ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Герой фронтового поколения в прозе Ю. В. Бондарева

Бирюкова М. Н.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть, как в прозе Ю. В. Бондарева формируется и трансформируется герой «фронтового поколения» на трех этапах его судьбы: до войны, на фронте и в мирной послевоенной жизни. В статье «лейтенантская проза» рассматривается одновременно как литературный памятник и как эго-источник о Великой Отечественной войне; на основе историко-демографических данных о мобилизации и потерях и концепции поколений К. Мангейма уточняются хронологические границы «фронтового поколения». На материале повести «Батальоны просят огня» и романов «Тишина», «Двое», «Берег», «Выбор», «Игра» прослеживается путь героя от довоенного опыта к фронтовому братству и послевоенной рефлексии. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые хронологические границы «фронтового поколения» определены как 1919-1926 гг. рождения – по возрасту вхождения в формирующий опыт, а не по факту участия в войне; «лейтенантская проза» охарактеризована как особая разновидность эго-источника, отличная от мемуаров, фронтовых дневников и переписки по степени достоверности передачи личного опыта; на материале «беспокойных» романов 1970-1980-х годов выделены три ипостаси героя поколения – идеализированный герой, герой-протагонист с автобиографическими чертами и герой-антагонист. В результате установлено, что героя Бондарева определяет взятая на фронте позиция ответственного за жизни людей, а причиной его поражения в мирной жизни становится невозможность соответствовать себе «времен войны».

EN

The frontline generation hero in Yu. V. Bondarev's prose

M. N. Biryukova

Abstract. The study aims to reveal how the hero of the "frontline generation" is shaped and transformed across three life stages in Yu. V. Bondarev's prose: pre-war, on the front lines, and in peaceful post-war life. The article considers "lieutenant prose" simultaneously as a literary monument and as an ego-document on the Great Patriotic War. Drawing on historical-demographic data regarding mobilization and combat casualties, alongside Karl Mannheim's sociology of generations, the study refines the chronological boundaries of the "frontline generation". Based on the novella "The Battalions Ask for Fire" and the novels "Silence", "The Two", "The Shore", "The Choice", and "The Game", the paper traces the hero's trajectory from pre-war socialization to frontline brotherhood and post-war moral reflection. The scientific originality lies in the fact that, for the first time, the chronological boundaries of the "frontline generation" are defined as cohorts born between 1919 and 1926 – categorized by their age of entry into formative socio-historical experiences rather than merely by the fact of wartime service. Furthermore, "lieutenant prose" is conceptualized as a distinct category of ego-document that differs from memoirs, wartime diaries, and correspondence in its degree of authentic rendering of lived experience. For the first time, based on the author's "restless" novels of the 1970s and 1980s, three hypostases of the generational hero are identified: the idealized hero, the autobiographically grounded protagonist, and the antagonist. The findings establish that Bondarev's hero is fundamentally defined by the ethical stance assumed at the front line – that of personal responsibility for the lives of others; the primary catalyst for his post-war disillusionment and defeat is the impossibility of living up to his own wartime moral self.

Введение

Ю. В. Бондарев (1924-2020) – один из ярчайших представителей «лейтенантской прозы», направления в советской литературе, характеризующегося общими признаками происхождения возникших в его рамках произведений. Писатели-фронтовики, родившиеся в 1920-1924 гг., воевавшие, как правило, в звании младших офицеров и вступившие в литературу в период «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х годов, имели схожий жизненный, военный и творческий опыт и отличались особой остротой восприятия прошлого и настоящего. Представителям «лейтенантской прозы» было свойственно некое творческое неформальное единство, проявленное

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260473

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

в общей военной тематике их произведений и исканиях авторов в области поэтики и идейной направленности (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 162-181). Важной отличительной особенностью этого направления является то, что в «лейтенантской прозе» война предстает не как описание неких стратегических операций, а как человеческая повседневность, череда будней солдат и младших командиров во фронтовых траншеях и окопах. Воссоздание образа человека (часто совсем юного) на войне – главная ценность этих произведений. Благодаря особой исповедальности и автобиографичности «лейтенантская проза» может рассматриваться как одна из разновидностей эго-источников о Великой Отечественной войне, характеризуясь одновременно всеми признаками литературного памятника (художественный вымысел, особая образность, многообразие средств художественной выразительности, эмоциональное воздействие на читателя, эстетизация языка, многозначность текста и контекста и пр.) и исторического источника (т. е. свойство объекта или явления быть подлинным историческим фактом и содержать в себе достоверные сведения исторического характера о прошлом) (Лихачев, 1983, с. 129-130; Эсалнек, 2017; Каштанов, 1988, с. 196-225; Сенявская, 2009). Неслучайно Ю. В. Бондарев (2019) рассматривал литературу как «документ истории».

Пройдя Великую Отечественную войну, Ю. В. Бондарев получил звание младшего лейтенанта только после демобилизации (Биография писателя Юрия Бондарева, 2020). Этот факт демонстрирует, что важнейшим критерием атрибуции литературного произведения направлению «лейтенантской прозы» является отнюдь не условное военное звание автора. «Лейтенантскую прозу» делает особым явлением в истории русской советской литературы и одновременно выводит ее на уровень полноценного исторического источника в антропологии поколения войны отождествление биографий и личного опыта автора, его фронтовых товарищей и созданного им литературного персонажа. Иными словами, герой поколения – уникальный симбиоз реальной и вымышленных биографий. При этом очевидно, что писатель, осмысливая пережитое им во время Великой Отечественной войны, не в состоянии уместить его в одну жизнь литературного героя. Этот опыт слишком грандиозен, трагичен и удивителен своими величием и чистотой. Он, безусловно, свойствен сотням тысяч молодых мужчин и женщин, шагнувших из романтики и юности в кровь и пот фронтового окопа. Исследователи отмечают, что этот опыт вмещает в себя испытания и переживания целого поколения советских граждан – так называемого «фронтового поколения».

Актуальность исследования определяется остротой нескольких проблем, стоящих сегодня перед литературоведением. Во-первых, с уходом из жизни последних представителей фронтового поколения (Ю. В. Бондарев умер в 2020 г.) завершился этап «живого» свидетельства о Великой Отечественной войне: коммуникативная память о ней необратимо переходит в культурную память. От того, какими приемами чтения художественного текста писателя-фронтовика располагает наука о литературе, прямо зависит содержание складывающейся культурной памяти, – что придает задаче безотлагательный характер. Во-вторых, вопрос о статусе документального в художественном произведении принадлежит к числу наиболее остро обсуждаемых в современной науке, и военная проза оказывается здесь наиболее уязвимым материалом: пока не выработаны филологические критерии разграничения свидетельства и художественной условности, текст фронтовика либо прочитывается как прямой документ, что ведет к фактическим искажениям, либо его свидетельская функция игнорируется, и из научного оборота выпадает обширный корпус сведений о фронтовой повседневности и психологии ее участника. Выработка таких критериев отвечает потребности не только литературоведения, но и смежных дисциплин – исторической антропологии, военно-исторической психологии, изучения эго-документов, – активно осваивающих этот материал. В-третьих, значимость решения этой проблемы не исчерпывается исследованием прозы Бондарева: предложенные критерии применимы к военной прозе в целом и востребованы в школьном и вузовском преподавании, где произведения о войне занимают одно из центральных мест, а прямое отождествление писателя с его героем остается устойчивой методической ошибкой.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: во-первых, уточнить хронологические границы «фронтового поколения» на основе историко-демографических данных о мобилизации и потерях и концепции поколений К. Мангейма; во-вторых, обосновать статус «лейтенантской прозы» как разновидности эго-источника о Великой Отечественной войне; в-третьих, проследить формирование и трансформацию героя поколения в романах «Тишина», «Двое», «Берег», «Выбор» и «Игра», соотнося его поведение с выводами исторической психологии о фронтовом поколении.

Методы исследования подобраны в соответствии с поставленными задачами. Историко-типологический метод в сочетании с приемами историко-демографического анализа применялся при решении первой задачи: он позволил соотнести данные о мобилизационных кампаниях 1941-1944 гг. и о возрастной структуре безвозвратных потерь с концепцией поколений К. Мангейма и установить границы «фронтового поколения». Метод источниковедческого анализа художественного текста использовался при решении второй задачи: с его помощью «лейтенантская проза» сопоставлена с мемуарами, фронтовыми дневниками и перепиской и определена мера ее достоверности как эго-источника. Биографический метод обеспечил решение третьей задачи в части соотнесения фронтовой биографии писателя с биографиями созданных им персонажей, а метод целостного анализа литературного произведения дал возможность изучить проблематику, систему образов и характер психологизма романов «Тишина», «Двое», «Берег», «Выбор» и «Игра». Сравнительно-исторический метод применялся на всех этапах работы: он позволил сопоставить героя Бондарева с героем романа братьев Вайнеров «Эра милосердия» и проследить эволюцию образа от «лейтенантской» прозы 1950-1960-х годов к «беспокойным» романам 1970-1980-х годов.

Материалом исследования послужили повесть «Батальоны просят огня», романы «Тишина», «Двое», «Берег», «Выбор», «Игра» и публицистика Ю. В. Бондарева; для сопоставления привлекаются роман А. А. и Г. А. Вайнеров «Эра милосердия» и стихотворение А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом».

Теоретическую базу исследования составляют работы по истории «лейтенантской прозы» (Лейдерман, Липовецкий, 2003; Моисеева, 2015; 2024; 2025), историко-психологические исследования фронтового поколения (Сенявская, 1995; 2009), социология поколений (Мангейм, 1998), теория коллективной памяти (Хальбвакс, 2005; 2007) и культурной памяти (Ассман, 2004), а также труды по источниковедению и текстологии (Лихачев, 1983; Каштанов, 1988; Варшавский, 2012; Мандринина, Соловьев, 2023).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в вузовских курсах истории русской литературы XX века, исторической антропологии и источниковедения, а также при подготовке комментированных изданий произведений Ю. В. Бондарева.

Обсуждение и результаты

Хронологические границы «фронтового поколения» и «лейтенантская проза» как эго-источник

Возрастные границы «фронтового поколения» условно определяются по году рождения: подавляющее большинство его представителей рождено в 1920-1924 гг. (Репинецкий, 2005, с. 280-287). Е. С. Сенявская (2009) сужает эту дату до 1923-1926 гг. Хронологические границы могут быть смещены влево еще более: 22 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была объявлена мобилизация военнообязанных четырнадцати возрастов – с 1905 по 1918 годов рождения (Боле, 2004). Согласно мобилизационному плану 1941 г. (МП-41), мобилизации подлежали и призывники 1919-1922 годов рождения (Ивлев, 2011). Мужчины 18-24 лет преобладали и среди добровольцев. Мобилизация продолжалась семь суток (с 23 по 30 июня), в течение которых в ряды Красной армии было призвано свыше 5 350 000 военнообязанных (из них более 500 000 офицеров запаса) (Боле, 2004). В экстремально короткий срок численность Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) была удвоена. Только на вторую половину 1941 г. пришлось три волны мобилизации, если не считать так называемой «скрытой мобилизации» конца мая – начала июня 1941 г., которая проходила под видом больших военных сборов. При этом в третью волну 1941 г. (согласно постановлениям Государственного комитета обороны (ГКО) № 796 от 14 августа и № 810 от 18 августа о формировании новых дивизий) были призваны остававшиеся не мобилизованными мужчины 1905-1918 гг. рождения, а также военнообязанные второго разряда запаса 1895-1904 гг. рождения. Мобилизационные кампании продолжались в течение всей Великой Отечественной войны (Исаев, 2022). В 1942-1944 гг. призыву подлежали уже новые возрастные группы (например, родившиеся в 1923-1925 гг.).

Мобилизационные данные показывают, что в действующей армии оказались представители почти всех возрастов от 1895 до 1926 гг. рождения. Однако поколение в понимании К. Мангейма (1998) определяется не фактом участия, а возрастом вхождения в формирующий опыт: решающим оказывается интервал между окончанием школы и двадцатью пятью годами. По этому критерию фронтовое поколение «лейтенантов» – советские граждане 1919-1926 годов рождения, сформированные Великой Отечественной войной.

Как известно, самые тяжелые потери в период Великой Отечественной войны понесли совсем юные мужчины и женщины, рожденные в СССР в 1920-1924 гг. (Репинецкий, 2005). Наибольшее число безвозвратных потерь (убитыми и умершими от ран) пришлось на мужчин, которым в 1941-1945 гг. было по 21-25 лет: по данным А. И. Репинецкого, потери в этой возрастной группе составили 1 907 тыс. чел. убитыми; тяжелейшие потери понесли также возрастные группы 20 лет и моложе – 1 560,3 тыс. чел. и 26-30 лет – 1 517 тыс. человек; всего до 30-летнего возраста погибло 4 984,3 тыс. человек. Согласно историко-демографическим исследованиям, это 57,5% всех военных потерь СССР – военнослужащие мужчины и женщины в возрасте до 30 лет (Репинецкий, 2005, с. 280-282). Поэтому особенно трагичен и ценен для понимания опыт героев (назвать их «типичными представителями» невозможно из-за величия их жертвенного подвига) этого поколения.

Важнейшим способом познания этого поколения советских граждан (причем хронологически наиболее ранним) становится художественная литература. Уникальным явлением оказывается галерея произведений, в которых личный опыт писателя выткан романтикой, патриотизмом, нравственной чистотой и кровью целого поколения – так называемая «лейтенантская проза» второй половины 1950-х – начала 1960-х годов. Ее авторы слишком молоды для мемуаров (которые в массе своей появятся позднее и будут страдать целым рядом особенностей источников этого вида – ошибками памяти автора, субъективностью оценок, саморедактурой, скованностью в изложении наиболее личного и интимного в переживаниях). Фронтовые дневники в условиях военного времени если и велись, то страдали исключительной отрывочностью и лапидарностью в изложении. Переписка подвергалась жесткой цензуре военного времени, что при всем ее исключительном значении для историко-филологических исследований снижает ее достоверность и ценность как исторического источника (Варшавский, 2012; Мандринина, Соловьев, 2023). «Лейтенантская проза» эпохи оттепели до известной степени берет на себя функцию уникального эго-источника по истории фронтового поколения. Общим для ее героев (причем как писателей, так и созданных ими вымышленных персонажей) стало тончайшее совмещение в ней как достоверности дневниковых записей и мемуаристики, так и яркости, образности, эмоциональной насыщенности и психологизма художественной литературы.

Особенностями героев фронтового поколения являются: 1) схожесть обстоятельств их взросления и жизненного старта (уход на фронт юными, часто – со школьной или студенческой скамьи, что нашло отражение в теме внезапного, резкого взросления и осознания ответственности за чужую жизнь); 2) проявление важнейших

черт личности сквозь призму «окопной правды» (тема войны как тяжелого труда, полного страха, боли, растерянности, отчаяния и смерти; тема войны как повседневности, описанной через бытовую деталь; тема психологии человека в экстремальной ситуации, превратившейся в ежедневные будни); 3) чувство некой общности (раскрывается через коллективное «мы», «свой», «свои», «чужой», когда формируется ощущение единства судьбы у людей одного поколения в контексте общего приобретенного опыта, общих внешних угроз, общего выбора, общих утрат и общих достижений); 4) размышления о цене победы и об исторической памяти; 5) стремление прожить жизнь «за себя и за того парня», а когда это невыполнимо – мучительная рефлексия от невозможности соответствовать себе самому из военной юности. Центральной темой «лейтенантской прозы» становится определение нравственного выбора как отдельной личности, так и целого поколения.

Обостренное чувство ответственности – отличительная черта поколения героев-лейтенантов Ю. В. Бондарева. У них нет права стать такими, как сержант Меженин, который не раз говорил о своем «маленьком» солдатском деле, заключающемся лишь в исполнении чужих приказов (роман Ю. В. Бондарева «Берег») (2023b). Верные фронтовому братству, они не отделяют себя от солдат, подобно комдиву Иверзеву (повесть «Батальоны просят огня») (Бондарев, 2023a). Истинными фронтовиками они предстают и по определению Шарапова – героя романа братьев Вайнеров «Эра милосердия»: «Из всех командиров, которых мне довелось увидеть на фронте, настоящими были только те, кто ощущал свою власть как бремя ответственности, а не как право распоряжаться...» (1985, с. 131). Ощущение бремени ответственности, не по годам тяжелого, но вынесенного и выстраданного ими, перейдет из «лейтенантской» прозы Бондарева в его дальнейшие произведения, в том числе и в «беспокойные романы» 1970-х – 1980-х годов («Берег», «Выбор», «Игра»).

Итак, военная проза Бондарева достоверно рисует собирательный образ «лейтенантов» Великой Отечественной войны, героев того трагического поколения, которое ушло на фронт, по сути, и не успев начать жить. Сочетание реального человеческого опыта и художественного вымысла позволило создать Бондареву образ целого поколения, главной чертой которого является становление личности во фронтовых условиях (Моисеева, 2024). Война –главное событие жизни этих людей, разделившее их мир на «до и после», навсегда ставшее мерилом образа мысли, действий и чувств. Военный опыт – это крылья и одновременно тяжкая ноша. Высочайшая нравственная планка, но иногда и непосильный груз, с которым невозможно справиться. Прошедшие войну, герои Бондарева умирают не от ран, а от осознания невозможности существовать успокоенными и успокоившимися.

«Лейтенантская» проза появляется спустя десятилетие после войны: «“Люди окопов”, обладающие писательским даром, молчали прежде всего потому, что их душевный опыт был насыщен до предела. <...> Все было слишком горячо, слишком близко – детали вырастали до гигантских размеров, затмевали основное» (Бондарев, 1986, с. 40). Это возможно объяснить и с точки зрения особенностей формирования так называемой «коллективной памяти» (Хальбвакс, 2005, 2007), которой требуется время для преодоления «раны памяти». Возможно, лишь через некоторое время человечество способно вернуться к травматичному опыту и в случае с «лейтенантской прозой». Ян Ассман отмечал, что примерно через 40 лет после события взрослые очевидцы вступают в тот возраст, когда у них самих усиливается потребность передавать воспоминания следующим поколениям. То есть именно в этот период «живые» свидетельства начинают активно транслироваться, и память переходит из коммуникативной (живой, биографической) в культурную (Ассман, 2004, с. 53). В исследованиях памяти о Великой Отечественной войне Е. С. Сенявская отмечала, что сначала идет этап «живых» воспоминаний участников, выраженных в том числе в художественной прозе. А когда это поколение уходит, память переходит в культурную фазу: ее закрепляют через институты – музеи, памятники, школьные программы, юбилейные даты (Сенявский, Сенявская, 2010). Иными словами, дело не только в календарном сроке, но и в смене поколений и появлении институциональных механизмов. Важно и то, что на процесс сильно влияют внешние факторы: политическая конъюнктура, общественные дискуссии, появление новых источников (архивы, мемуары, кино). Иногда толчок к активному исследованию и формированию публичного образа события дает не время само по себе, а какой-то актуальный общественный запрос. Возможно, некоторая свобода, которую дало почувствовать время оттепели, открыла возможность переосмысления устоявшихся постулатов, рассмотрения за «глобусом» развернутой авторами-лейтенантами карты-двухверстки, готовой показать истинное лицо простого солдата, выигравшего войну.

Писатели-лейтенанты пришли в литературу с не столь однозначной положительной трактовкой персонажа: оставаясь героем на поле боя, он может и не быть таковым в жизни. Фронтовиков разделяли и убеждения, принесенные ими из мирной жизни на войну, что вело к потере единого «берега»: оказывается, условно «свои» и «чужие» могут меняться местами, и трактовки уже перестают быть столь однозначными.

Любопытное высказывание братьев Вайнеров, вложенное в уста Шарапова, героя романа «Эра милосердия»: «На войне все было просто – враг был там, за линией фронта!» (Вайнер, Вайнер, 1985, с. 193) – опровергается героями прозы Бондарева, показавшими зыбкость, условность границ везде, как на поле боя, так и в мирной послевоенной жизни.

Поколенчески дистанция между героем Бондарева и самим автором сокращена, однако присутствует в первых романах о послевоенной эпохе – «Тишина» и «Двое» – как временная, так как автор спустя десятилетие осмысляет произошедшее с только что вернувшимися героями-фронтовиками.

Поколение 1923-1926 гг. – это люди, не имевшие к началу войны, по сути, ничего, кроме четких идеологических установок, на которых они были воспитаны. Это поколение восемнадцатилетних, у которых «не было большого личного социального опыта. В их среде меньшее значение имело социальное происхождение,

меньшим был разрыв в уровне образования» (Сенявская, 2009). Все это сплотило молодых людей, произвело на них необходимый эффект, и война стала определяющей в их сознании. О важности периода от двенадцати до двадцати пяти лет в плане получения опыта писал также и один из основоположников социологии знания и социологии поколений Карл Мангейм, который утверждал, что «данный период имеет определяющее значение для всей последующей жизни человека и для развития его личности» (Цит. по: Ассман, 2014, с. 23).

Герой фронтового поколения в романах Ю. В. Бондарева: довоенный опыт, фронт, мирная жизнь

Для понимания героев романов Бондарева важно погрузиться в их предысторию и определить, что было с ними до войны, с чем они пришли на фронт.

Интересна биография героев романа «Тишина» и его продолжения, романа «Двое» (Бондарев, 1964). О Сергее Вохминцеве известно немного: до войны учился в школе, дружил с сыном художника Мукомолова, соседа по коммунальной квартире. Примером для Сергея был его отец: «Был он до войны статен, темноволос, удачлив во всем <…> хохотал заразительно, молодо» (Бондарев, 1964, с. 50).

Вернувшись домой, Сергей встречает одноклассника Константина – вот они, двое оставшихся в живых. Поразительным образом фронт трансформирует Константина: аккуратный («застегнутый на все пуговички сшитой из теткиной юбки курточки» (Бондарев, 1964, с. 11)), прилежный ученик, нелюдимый и тихий, он за годы войны превратился в бравого офицера, несколько раз раненного. Деталь «черные усики» – как знак щегольства и пижонства героя – удивляет Вохминцева. В этом проявляется своеобразный уход от действительности, стремление быть не тем, кто ты есть на самом деле (в данном случае – взрослее, значимее, серьезнее). Война видоизменяет людей, а не только обнажает их идеалы.

Идеализмом, высоким достоинством буквально «пропитан» образ лейтенанта Княжко, героя романа Бондарева «Берег». Его путь с белым флагом к лесничеству, в котором, по его мнению, находятся молодые немецкие солдаты, становится апогеем того, с чем герой «пришел» на фронт. Об этом свидетельствует его письмо к Галине: «Что ж… Какая прекрасная бывала тишина в кабинете отца и как прекрасно было лежать на старом уютном диване с метелью и сугробами во дворе и читать, читать или листать книги <…> Ты права: на войне по-книжному ничего нет. А жаль: я хотел бы быть или рыцарем, или Андреем Болконским (мой тезка)…» (Бондарев, 2023b, с. 267). Некая «ходульность» персонажа проистекает именно из книжного опыта, которым он перенасыщен, из зачеркнутых в письме фраз о том, что не хочет «показаться слабым перед самим собой», что «дал себе слово» (Бондарев, 2023b, с. 267).

Противовесом почти «святому» образу Княжко и благоговейному отношению к нему Никитина становится изображение лейтенанта Рамзина и его дружбы с Васильевым в романе «Выбор». Здесь Бондарев своеобразно переворачивает историю, данную им до этого в романе «Берег»: для Васильева, в настоящем времени успешного художника, товарищ детства и фронтовой молодости Рамзин стал в некотором роде разрушающим «деструктивным» антиподом. Предыстория Васильева заключается в том, что перед его глазами всегда был более успешный товарищ: более спортивный, более интересный в обществе сверстников, более смелый с противоположным полом. Влюбленность в одну девушку и общий фронтовой опыт показывают Васильеву: Рамзин во всем лучше него. У него роман с Машей, которая нравится Васильеву, на фронте Рамзин буквально силой подчиняет себе людей. Мысль о подобном подчинении людей себе проявится в сознании Рамзина еще в школьный период, в полной мере раскрывшись в условиях войны. Естественно, что для Рамзина фронтовое братство не играет роли. Моральная сторона способов воздействия для него не важна, главное – результат. Однако, как окажется в дальнейшем, на фронте он сдастся в плен (Бондарев, 1981).

Итак, довоенный опыт во многом, но не всегда (в случае с Константином Корабельниковым военный опыт вытеснил прошедшее), является тем основополагающим пластом, с которым герои приходят на фронт. Опыт у них небольшой, однако в исключительных обстоятельствах становится решающим, определяющим стратегию поведения. На него накладываются военные впечатления – то, благодаря чему фронтовое поколение сформировалось окончательно.

Военное братство глубоко проникнет в сознание молодых людей, станет основой для них. Сергей в романе «Тишина» будет вспоминать, что в бою товарищи были ближе, чем отец и сестра, которых он в своем сознании оставил далеко в «мирной» жизни. Это подтверждается и выводами, сделанными на основе анализа фронтовых историй Сенявской (2009): «В боевой обстановке, где смерть всегда висела над головой, острее, обнаженнее были чувства. О том, что никогда уже больше не встречали таких людей и такой дружбы, как на фронте, говорили многие фронтовики. Чувства боевого товарищества, фронтового братства были одними из самых сильных и необходимых на войне».

Выжившие «счастливцы» – это определение будет дано героям несколько раз. Первый эпизод связан со знакомством Сергея с сержантом Павлом, между героями состоялся диалог: «Счастливец… Повезло. – Почему счастливец? – Я, брат, по этим врачам да комиссиям натаскался <…> “С двадцать четвертого года? – спрашивают. Счастливец вы. К нам, говорят, с двадцать четвертого и двадцать третьего года редко кто приходит”» (Бондарев, 1964, с. 14). Счастливцами называет Константин себя и Сергея, рассуждая о том, что они выжили чудом, и теперь надо остерегаться случайностей, которые могут эту удачу перечеркнуть. В данном контексте стоит вспомнить и героев романа Бондарева «Берег». Сержант Меженин говорит о том, что умирать в конце войны особенно обидно, и Никитин ловит себя на мысли, что стал бояться смерти (Бондарев, 2023b).

Описание заключительного этапа войны содержится в исследовании Е. С. Сенявской (2009): «Для заключительного этапа войны характерным было ощущение близости победы. Чем ближе она была, тем большими

были желание и надежда выжить, тем труднее было подниматься в атаку под огонь яростно сопротивляющегося врага, тем больнее и обиднее были потери товарищей и друзей, страшнее возможность собственной гибели». Эту мысль старается отогнать от себя Никитин, суеверно думая, что так скорее могут убить.

Смерть идет бок о бок с героями и после войны, напоминая: от войны никуда не уйти. Вохминцев отказывается покупать на рынке у мужчины костюм, который принадлежал его сыну, не вернувшемуся с войны: «Он [Сергей] никогда не брал и не носил вещей убитых» (Бондарев, 1964, с. 18).

Ощущение близости смерти чувствуется там, где есть общность убитых и живых, как на войне у Сергея, нашедшего мертвым своего ровесника, жившего по соседству: «И в том, что убитый был москвич, жил совсем рядом, но они не знали друг друга, было нечто противоестественное, разрушающее веру Сергея в то, что его не убьют» (Бондарев, 1964, с. 18).

Такая общность складывается в романе «Берег» у Никитина и Княжко, лейтенантов, нашедших убитого фашистского солдата, в карманах которого будут обнаружены безделушки немецкого мальчика. В этот момент уходит ярость по отношению к врагу, он становится убитым человеком, и непотерянное на войне сострадание, человечность побуждают Княжко совершить нравственный подвиг, который стал логичным исходом из «идеалов» его мирной жизни, довоенной биографии.

Во многом наивное юношество, излишняя романтичность показаны Бондаревым не случайно: они так же, как и лицо уже погибшего Княжко, открывают облик истинного героя, совсем молодого, в условиях «кадрового голода» ставшего командиром, взявшим на себя ответственность за солдат, многие из которых старше него, и боящегося подвести себя и их. Возможно, именно этим опытом – героическими примерами книжных персонажей, о которых читал в недавнем детстве – обусловлена гибель пожертвовавших собой молодых солдат.

Для выживших павшие однополчане станут безмолвным напоминанием, на какой моральной высоте надо остаться, чтобы не предать их память. Эту мысль воплотит А. Т. Твардовский в стихотворении «Я убит подо Ржевом»: «Завещаю в той жизни / Вам счастливыми быть / И родимой отчизне / С честью дальше служить» (1978). С этим осознанием возвращаются герои в мирную жизнь, и здесь должен быть задан вопрос: смогут ли они «вернуться» по-настоящему, «вжиться» в мирное время?

Воспоминания о войне, наверное, «настигают» каждого, кто был на фронте, однако для героев, так рано получивших этот опыт, они становятся определяющими в жизни. Этот опыт Бондарев пронес через всю биографию и отразил в творчестве.

Показателен в этом отношении роман «Тишина». Сон о войне – первое, что видит читатель. В нем герой убегает от преследующих его фашистских самолетов, пытается выстрелить и не находит патронов, затем просыпается от собственного крика. Автор таким образом сразу «настраивает» читателя, что хотя военное время позади, его эхо станет «камертоном» романа, заставит героев не продолжить жизнь, а начать ее заново, сверяясь с собой на войне. Есть то, что уже не вернуть, и Сергей остро ощущает, что война не может забыться, она напоминает о себе «опустошением», невозможностью быть счастливым, даже после ее окончания. Автор называет это «пустотой погибших и пропавших без вести»: «…из всех довоенных друзей в живых остались двое» (Бондарев, 1964, с. 8). Этот лирический пассаж Бондарева находит историческое объяснение в данных статистики, на которые ссылается Сенявская: «Среди молодых людей 1923 г. рождения уцелело всего 3%. <…> среди известных героев, закрывших своим телом огневую точку врага, 82,5% составляли молодые люди до 30 лет и 65,3% –до 25 лет. Возраст большинства полных кавалеров ордена Славы – от 20 до 24 лет» (2009). Цифры не случайны, они служат подтверждением выводов исследователя, что «фронтовое поколение» молодых людей 1923-1926 гг. – это люди, которые в полной мере проявили на фронте качества, присущие молодости, в совокупности с идеологическими установками, на которых они были воспитаны: были готовы насмерть стоять за Родину. Именно поэтому особо интересным представляется то, как выжившие из фронтового поколения нашли себя в мирной жизни.

Отец Сергея предстает «растерявшим» всю молодость и бравость на фронте: «Во время войны сразу и навсегда кончилась молодость отца, и возник новый его облик, в который Сергей не мог поверить» (Бондарев, 1964, с. 50). Автор показывает, что Сергей с «бешеной злостью» отрекается от отца, узнав, что у него был фронтовой роман. Максимализм, свойственный возрасту Сергея, проявлен здесь в полной мере: нежелание и невозможность понять отца рождает в нем разочарование и злость.

Ася, сестра Сергея, говорит: «Он нас не видит и не хочет видеть.» (Бондарев, 1964, с. 52). Создается впечатление, что в некоторой мере герой действительно «перерос» общество не оправдавшего надежд отца и сестры, пытается сам «занять» место отца. На замечание Сергея Ася ответит: «Ты грубый. В тебе осталось благородного только твои ордена и довоенная фотокарточка» (Бондарев, 1964, с. 7), – и эти слова подчеркивают контраст между тем, с чем герой вернулся с фронта, и его довоенным прошлым. Сестра не узнает повзрослевшего, не в меру «острого» брата. И здесь уже находят отражение последствия войны. Как оказалось, герои вынуждены были продолжить бой, но уже в мирное время.

Сенявская (2009) пишет о фронтовом поколении, которое не в полной мере осознало репрессии второй половины 1930-х годов, и, возможно, во многом поэтому было проникнуто душевным подъемом социалистической победы в Великой Отечественной войне. Это передано в эпизоде, когда Сергей обрывает тост совершившего на фронте подлость Уварова, считая, что тот не имеет права произносить имя Сталина. Вера в высокие идеалы партии будет подорвана у фронтового поколения репрессиями уже после войны (эпизод с арестом отца Сергея по лживому доносу).

Интересна и «обратная» трансформация Константина, в некотором роде противоположная тому, что происходит во внутреннем мире Сергея. Константин «очистится» от бравого, залихватского и напускного тона

лишь под целительным воздействием своей будущей жены Аси, которая как будто возвращает ему самого себя. И здесь Бондарев намечает спасительный путь для героев-фронтовиков: женские образы вбирают в себя сильное мужское начало, которого лишаются фронтовики. Женщины становятся для героев всем: не только женами, но и боевыми подругами, матерями, буквально спасительной силой, которая может вернуть их в мирную жизнь, вырвать из оков постоянного круговорота военных воспоминаний. Примечательно, что ни у Сергея, ни у Константина после войны нет матерей: у Сергея мать умерла в тылу, у Константина бесследно пропала до войны. Этот факт открывает возможность для размышлений о том, действительно ли фронтовое поколение избежало последствий репрессий 1930-х годов.

Вадим Никитин, герой романа «Берег», пронес память о лейтенанте Княжко, ставшем для него нравственным камертоном, сквозь время. Он забыл Эмму, любившую его всю жизнь, но этот пример истинного героя, немного наивного и романтически настроенного, был с Вадимом всегда. Эмме он скажет, что Княжко ему часто снится (Бондарев, 2023b).

С горечью думает о павших кинорежиссер Крымов, герой романа Бондарева «Игра» (2003), считая, что лучшие не вернулись с фронта. Жизнь в мире для него была двойственна: с одной стороны, он успешен, знаменит, добился того, чего хотел, но сравнение себя с собой на фронте все время оборачивалось против героя в нынешнем его положении. Жизнь в мирное время превращается в несчастье для выживших фронтовиков: готовые прожить за себя и за «того парня», не вернувшегося с войны, они не оправдывают собственных надежд, замыкаясь в ошибках, рефлексируя над ними до потери себя.

Мучительным становится для героев «беспокойных» романов Бондарева понимание потери прежних нравственных идеалов: для Никитина и Крымова это точка невозврата, что и привело их к смерти.

«Время духовного очищения», как назовет войну в своей работе Сенявская (2009) со слов фронтовиков, сыграло с героями писателя злую шутку: оно обернулось для них невозможностью вернуться к своему военному «я» в последующей мирной жизни. Оно заставило всю жизнь сверять себя с собой же на войне и, не достигнув больше никогда той высоты, уйти в небытие, что произошло с Никитиным и Крымовым, возможно, и с Рамзиным, героем романа «Выбор».

Герой поколения в «беспокойных» романах Бондарева как итог анализа автора предстает в нескольких ипостасях: идеализированный, сошедший со страниц житийной литературы (лейтенант Княжко в романе «Берег»); «живой» герой-протагонист, вобравший автобиографические черты писателя (Никитин в романе «Берег», Васильев в романе «Выбор», Крымов в романе «Игра»). Также Бондаревым в романе «Выбор» была предпринята попытка создать образ яркого героя-антагониста (Рамзин), который вышел из тени главного «живого» героя.

Бондарев показал, что возможный путь для героя находится на «золотой» середине, поэтому в мирную жизнь автор «не возвратил» две «крайности»: «книжного» лейтенанта Княжко, оставшегося при этом эталоном, и «волевого» Рамзина, который выжил ценой потерянной совести, то есть «умер» нравственно. Подлинные герои Бондарева – неидеальные живые люди, совершающие ошибки, пытающиеся их исправить. Мирное время не делает героев счастливыми, хотя они находят в нем всё: призвание, в котором достигают успеха, семью, в которой их принимают.

Никитин осознает, что жена стремится забрать себе его «боль» от потери сына, однако опорой должен быть он: взять на себя ответственность, как на фронте, и за жену, и за ждавшую его всегда Эмму. Сил на это Вадиму не хватает.

Васильев, женившийся на Маше, живет с разочарованной в нем женщиной: он не смеет даже спросить, что стало с их дочерью, о ее защите здесь даже нет речи.

Крымов, увлекшись сложной судьбой несостоявшейся балерины, не смог ни ее защитить от сплетен и пересудов, ни стать опорой в это «темное» время для собственной жены.

Проведенный анализ позволяет подвести промежуточные итоги. Довоенный опыт, незначительный по объему, задает персонажу исходную систему координат и в экстремальных обстоятельствах определяет стратегию его поведения. Фронт формирует поколение окончательно, закрепляя в нем чувство ответственности за чужую жизнь и ощущение общности судьбы, тогда как мирное время подвергает эти качества испытанию, которого герои «беспокойных» романов не выдерживают. Соотнесение художественного материала с выводами исторической психологии показывает, что изображенные Бондаревым типы поведения не являются индивидуальной особенностью его персонажей: они воспроизводят установки, зафиксированные в свидетельствах фронтовиков 1919-1926 годов рождения, что подтверждает правомерность рассмотрения «лейтенантской прозы» как эго-источника.

Заключение

Итак, герой Бондарева проходит в жизни несколько этапов: небольшой, однако очень важный жизненный опыт есть у него до войны, на него наслаивается сильное фронтовое впечатление, формирующее и естественным образом меняющее героя. Оно «задает» персонажу высокую моральную планку на всю оставшуюся мирную жизнь. И здесь закономерным является вопрос: почему подлинный герой, живущий вполне благополучной жизнью, умирает в расцвете сил или лишен права на отцовство? Парадоксально, что на войне герой Бондарева был при этом настоящим командиром, несмотря на молодость, буквально, в лучших традициях классической литературы, был отцом солдатам, как уже упоминаемый Андрей Болконский, – идеал лейтенанта Княжко, как и сам лейтенант Княжко, на которого будет всю жизнь равняться Никитин.

Значимым для понимания психологизма «лейтенантов» Бондарева в мирной жизни оказывается определение, которое дает себе Шарапов, герой романа братьев Вайнеров (следует уточнить, авторы 1931 г. и 1938 г. рождения не были на войне, однако точно передали суть взгляда на жизнь героя фронтового поколения), – «человек, у которого в руках всегда есть оружие» (Вайнер, Вайнер, 1985, с. 12). Именно такими людьми, хотели они того или нет, пришлось быть героям Бондарева Вохминцеву и Корабельникову, отстаивая себя и своих близких. Такими хотели остаться и герои «беспокойных» романов, однако мирная жизнь внесла свои коррективы, и высокая нравственная планка жизни за себя и «за того парня» с условным оружием в руках оказалась неподъемной, что привело героев к фатальному исходу.

Есть основания полагать, что тяготы их судеб проистекают из непонимания, что спасение следует искать в образах женщин, с которыми герои Бондарева будто «меняются» местами, не в силах в мирной жизни понять и защитить даже самых близких. Ответственность за семью становится логичным продолжением той ответственности, что привыкли брать на себя бывшие «лейтенанты» в военное время, однако неспособность это сделать является причиной их мучительного поражения в мирное время.

Таким образом, герой фронтового поколения в произведениях Бондарева, как и сам автор в случае его причисления к «лейтенантской» прозе и основополагающего значения в ней, определяется возрастным фактором и взятой позицией ответственного за жизни людей, а не строгим причислением к тому или иному званию. Сам автор минимально разделен со своим героем, лишь на этапе романов «Тишина» и «Двое», что обусловлено временем, потребовавшимся для рефлексии.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в сопоставлении героя фронтового поколения у Ю. В. Бондарева с героями других авторов «лейтенантской прозы» (Г. Я. Бакланова, В. О. Богомолова, К. Д. Воробьева, В. В. Быкова), а также в привлечении к анализу мемуарных и эпистолярных эго-документов представителей поколения 1919-1926 годов рождения.

Материалы исследования | Research materials

1. Биография писателя Юрия Бондарева // ТАСС. 2020. 29 марта. https://tass.ru/info/8109727
2. Бондарев Ю. В. Батальоны просят огня: повесть. М.: АСТ, 2023a.
3. Бондарев Ю. В. Берег: роман. М.: АСТ, 2023b.
4. Бондарев Ю. В. Выбор: роман. М.: Молодая гвардия, 1981.
5. Бондарев Ю. В. Игра: роман. М.: Молодая гвардия, 2003.
6. Бондарев Ю. В. Линия жизни: видеоинтервью // Телеканал «Россия – Культура»: медиаплатформа «Смотрим». 2019. 15 марта. https://smotrim.ru/video/153960
7. Бондарев Ю. В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 6.
8. Бондарев Ю. В. Тишина; Двое: романы. М.: Советская Россия, 1964.
9. Вайнер А. А., Вайнер Г. А. Эра милосердия: роман. М.: Воениздат, 1985.
10. Твардовский А. Т. Я убит подо Ржевом // Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 3.

Источники | References

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Боле Е. Н. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: на материалах Коми АССР: дисс. … к. ист. н. Сыктывкар, 2004.
4. Варшавский Д. И. Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 4.
5. Ивлев И. И. Особенности работы с архивными документальными материалами по Великой Отечественной войне и документами военкоматов в целях создания, пополнения, изменения Книг Памяти России // Форум поисковиков. 2011. 29 марта. http://bryanskfront.mybb.ru/viewtopic.php?id=505
6. Исаев А. В. Анатомия «перманентной мобилизации» лета – осени 1941 года // Георгиевские чтения: сборник трудов по военной истории Отечества / ред.-сост. К. А. Пахалюк. М.: Вече, 2022. Вып. 2.
7. Каштанов С. М. Проблема исторического факта и его отражения в актовых источниках // Каштанов С. М. Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1988.
8. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 1: 1953-1968.
9. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.). Изд-е 2-е, перераб. и доп. Л.: Наука, 1983.
10. Мангейм К. Проблема поколений / пер. с англ. В. Плунгяна, А. Урманчиевой // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30).

11. Мандринина Л. А., Соловьев Н. А. Эго-документы сибиряков по истории Великой Отечественной войны: анализ документопотока // Библиосфера. 2023. № 4. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2023-4-67-79
12. Моисеева В. Г. Герой и автор «лейтенантской» прозы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2025. № 3. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-3
13. Моисеева В. Г. Слова «великие» и «простые» о Великой Отечественной войне: к вопросу об эволюции русской «военной» прозы второй половины XX века // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3.
14. Моисеева В. Г. Человек своего времени. К 100-летию Юрия Васильевича Бондарева // Stephanos. 2024. № 2 (64). https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-64-2-7-15
15. Репинецкий А. И. Демографическая ситуация в России в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7. № 2.
16. Сенявская Е. С. 1941-1945. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995.
17. Сенявская Е. С. Фронтовое поколение Великой Отечественной: социально-психологический феномен // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 2009. 7 мая. https://www.perspektivy.info/history/frontovoje_pokolenije_velikoj_otechestvennoj_socialno_psihologicheskij_fenomen_2009-05-07.htm
18. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Поле боя – историческая память: военная история России XX века в контексте психологической войны и современной геополитики // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1 (1).
19. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41).
20. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
21. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения. Анализ художественного произведения. Изд-е 5-е, стер. М.: Флинта, 2017.

Информация об авторах | Author information

RU

Бирюкова Мария Николаевна[1]
[1] Московский педагогический государственный университет

EN

Maria Nikolaevna Biryukova[1]
[1] Moscow Pedagogical State University

[1] *n.zernowa2013@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.09.2026; опубликовано online (published online): 06.10.2026.

Ключевые слова (keywords): советская «лейтенантская проза»; Ю. В. Бондарев; фронтовое поколение писателей; герой фронтового поколения; эго-источник; Soviet “lieutenant prose”; Yu. V. Bondarev; frontline generation of writers; frontline generation hero; ego-document.